

В. Я. Богучарский.

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ДОМЪ—МУЗЕЙ

ИМЕНИ Л. Н. ТОЛСТОГО ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

(Докладъ первому всероссійскому съезду печати).

желаю вам счастья
Д. Г. Толстому
Литературный

Литературный домъ-музей имени Л. Н. Толстого
въ Петербургѣ.

„Пишу, чтобы сказать вамъ, какъ я былъ радъ быть вашимъ современникомъ“...

Такъ писалъ высокоодаренный и глубокопроникновенный художникъ И. С. Тургеневъ, писалъ въ то время, когда смерть уже простирала надъ его одромъ свое черное крыло, писалъ тому, кого въ этомъ же письмѣ онъ называлъ первый „великимъ писателемъ русской земли“, писалъ Льву Николаевичу Толстому.

Съ того времени, какъ были написаны эти строки, прошло двадцать пять лѣтъ, въ теченіе которыхъ славное чено Льва Николаевича покрылось новыми неувядаемыми лаврами, когда данное ему Тургеневымъ название „великаго писателя русской земли“ признано, какъ въ высокой степени соотвѣтствующее дѣйствительности, всѣмъ цивилизованнымъ міромъ, когда имя Толстого стало поистинѣ безсмертнымъ и слава его нетлѣнной.

„Пишу, чтобы сказать вамъ, какъ я былъ радъ быть вашимъ современникомъ“...

Эта радость, господа, выпала и на долю всѣхъ наась. И даже болѣе того: Тургеневъ давно уже покончился сномъ вѣчности; мы же, живущіе, находимся наканунѣ величественнаго въ исторіи нашей родины событія, наканунѣ момента достиженія восьмидесятилѣтія со дня рожденія одного изъ ея величайшихъ сыновъ.

Ничего не могло быть болѣе естественнымъ, чѣмъ проявившійся среди русскаго общества горячій порывъ чествовать этотъ высокознаменательный моментъ. Быстро организовался для этой цѣли и специальный Комитетъ. Но тотъ, кому въ день его юбилея желало не одно только общество русское, но желалъ и весь культурный міръ, принести радостныя чувства отъ сознанія счастья

быть его современниками, не пожелалъ никакого чествованія. Отнесясь, какъ и слѣдовало ожидать, съ величайшимъ уваженіемъ къ такому волеизъявленію Толстого, понимая и цѣня тѣ высокіе мотивы, изъ которыхъ вытекло желаніе маститаго затворника уклониться отъ чествованія его юбилея, Комитетъ прекратилъ всякия къ нему приготовленія. Разъ Толстой этого не желаетъ, то никакого чествованія и не можетъ и не должно быть. Его и не будетъ.

Но значитъ ли, чтобы рѣшеніе воздержаться, согласно волѣ Толстого, отъ всякаго чествованія его юбилея, было равносильно рѣшенію просто обойти славную годовщину жизни великаго старца полнымъ молчаніемъ, какъ бы забвеніемъ?

Мнѣ кажется, нѣтъ. Мнѣ кажется даже, что чѣмъ рѣшительнѣе останавливается русское общество на желаніи воздержаться отъ какихъ бы то нибыло формъ чествованія юбилея Толстого, тѣмъ настоятельнѣе возникаетъ предъ нимъ необходимость означеновать это событие какимъ-либо *крупнымъ дѣломъ*.

Разъ же это такъ, то на какомъ бы дѣлѣ въ цѣляхъ означенования юбилея Толстого не остановиться, для его осуществленія прежде всего необходимы материальныя средства. Эти средства должны быть, конечно, доставлены не отдѣльными почитателями гenія Толстого, а всѣмъ обществомъ. Оно должно создать для этой цѣли *специальный фондъ*. Сдѣлать же это возможно главнымъ образомъ при посредствѣ печати. Отсюда и первая задача съѣзда взять на себя иниціативу сбора средствъ для образованія, такъ сказать, толстовскаго фонда. Каждое повременное изданіе можетъ начать такой сборъ въ своей мѣстности отдѣльно, принимая подпиську въ своей редакціи, а затѣмъ собранія суммы могутъ быть централизованы въ рукахъ организующагося въ Петербургѣ особыго Общества имени Л. Н. Толстого.

Но тутъ, конечно, является вопросъ,—для какой же именно цѣли долженъ быть предпринять печатью такой сборъ или, другими словами, какимъ же именно *дѣломъ* надлежало бы означеновать юбилей Толстого?

Мнѣ кажется, что такимъ дѣломъ должно быть учрежденіе въ Петербургѣ особыго литературного дома-музея имени Л. Н. Толстого. Развитіе этой мысли и предложеніе ея на ваше обсужденіе и составляетъ предметъ моего доклада. Для обоснованія же ся я начну съ такъ называемыхъ доказательствъ отъ противнаго.

Недавно въ газетѣ „Рѣчъ“ известный другъ Толстого и посльдователь его ученія В. Г. Чертковъ внесъ па обсужденіе общества двѣ формы означенованія юбилея Толстого: 1) изданіе заграницею (въ виду очевидной невозможности при современныхъ политическихъ условіяхъ сдѣлать это въ Россіи) всего того, что вышло изъ подъ пера Толстого въ теченіе послѣдніхъ двадцати пяти лѣтъ. Всѣ необходимыя поясненія для полноты подобнаго изданія могъ бы дать, по мысли Черткова, самъ Толстой, и такимъ образомъ это изданіе явилось бы капитальнымъ памятникомъ литературной дѣятельности Толстого и превосходнымъ первоисточникомъ для изученія его идей; 2) выкупъ принадлежащей семье Толстого земли и надѣленіе ею крайне страдающихъ оть малоземелья, живущихъ около Ясной Поляны, крестьянъ.

Нѣть никакого сомнѣнія, что оба предложенія В. Г. Черткова чрезвычайно симпатичны, но, предпринимая то или другое крупное дѣло, мы должны взглянуть на него прежде всего, такъ сказать, съ дѣловой же точки зрѣнія. А тутъ-то мнѣ и представляются чрезвычайныя трудности въ осуществленіи высказанныхъ г. Чертковымъ мыслей.

Возьмемъ первую изъ нихъ,—изданіе заграницей всего того, что вышло изъ подъ пера Толстого за послѣдніе 25 лѣтъ его жизни. Не имѣя въ рукахъ точныхъ данныхъ и потому не утверждая этого категорически, я, однако, едва ли ошибусь, если скажу, что изданіе, заключающее въ себѣ все написанное Толстымъ, начиная отъ его „Исповѣди“ (1882 г.) и до произведеній самого послѣдняго времени, будетъ содержать въ себѣ никакъ не менѣе 100 печатныхъ листовъ. Это изданіе будетъ, какъ уже сказано, по необходимости такъ называемымъ „нелегальнымъ“, и потому открытый сборъ на него денежныхъ средствъ черезъ газеты и журналы даже въ столицахъ, не говоря уже о провинціи, встрѣтить, при современныхъ политическихъ условіяхъ, прямо таки неодолимыя препятствія. Състоль же, если еще не болѣе, неодолимыми препятствіями встрѣтятся организаторы подобнаго предпріятія и при обращеніяхъ за материальною ему поддержкою къ органамъ земскаго и городскаго самоуправленія. Еслибы и нашлись среди земствъ и городовъ такие, которые, не останавливаясь передъ „нелегальностью“ предпріятія, ассигновали, тѣмъ не менѣе, для поддержки его ту или иную сумму, то и эти постановленія были бы неизбѣжно опротестованы администрацией т. е. для дѣла явились бы совершенно безрезультатными. Между тѣмъ, изданіе потребуетъ

весьма значительныхъ средствъ. Спрашивается: откуда же возьмутся онъ при невозможности прийти на помощь этому дѣлу даже сочувствующихъ ему земствъ и городовъ, при враждебности къ нему администраціи, при вынужденной бездѣятельности въ этомъ предпріятіи печати? Средствъ на такое дѣло, иначе какъ со стороны отдѣльныхъ крупныхъ жертвователей, поступить въ условіяхъ нерождаемаго нами момента ниоткуда не можетъ. Значитъ, все дѣло зависитъ отъ того, будуть ли такие жертвователи или ихъ не будетъ? Въ первомъ случаѣ высокополезная мысль В. Г. Черткова получаетъ осуществленіе, во второмъ,—какъ ни грустно это признать,—получить осуществленія она не можетъ. Печать же въ этомъ дѣлѣ никакой особо существенной роли сыграть, къ сожалѣнію, не въ состояніи.

Что касается второго предложенія г. Черткова—ознаменовать юбилей Толстого путемъ выкупа принадлежащей семьѣ Льва Николаевича земли и передачи ея живущимъ около Ясной Поляны малоземельнымъ крестьянамъ, то при всей симпатичности подобной мысли, мнѣ представляется и она, по тѣмъ же соображеніямъ, практически неосуществимою. Конечно, открыть сборъ на такое дѣло для печати несравненно легче, чѣмъ на изданіе заграницей запрещенныхъ въ Россіи произведеній Толстого, но во 1) позволительно сильно сомнѣваться въ особой продуктивности стараній обѣ этомъ предметѣ печати и въ 2) не подлежитъ уже никакому сомнѣнію, что органы мѣстного самоуправлія будутъ лишены всякой возможности принять въ подобномъ дѣлѣ материальное участіе. Причина понятна: земства и города могутъ расходовать свои средства на нужды или чисто мѣстныя или такія, въ удовлетвореніи которыхъ такъ или иначе, прямо или косвенно, но заинтересовано и мѣстное населеніе. Органы мѣстного самоуправлія могутъ, конечно, поддерживать столичныя культурныя и просвѣтительныя учрежденія (учебныя заведенія, музеи и проч.) по той причинѣ, что изъ учрежденій этихъ могутъ извлекать себѣ пользу и находящіеся въ столицѣ жители той или иной губерніи или области, преимущественно учащаяся молодежь, но, какимъ образомъ и на какомъ формально-законномъ основаніи земство, положимъ, Воронежское или городъ, положимъ, Вятка могли бы ассигновать какую либо сумму для улучшенія экономического положенія крестьянъ Тульской губерніи, Крапивенского уѣзда, деревни такой - то, расположенной около имѣнія, принадлежащаго семье графа Льва Николаевича Толстого?

Такое постановление было бы несомненно опротестовано администрацией. Воть почему и эта мысль В. Г. Черткова мнѣ представляется неосуществимою.

Но, кромѣ предложений В. Г. Черткова, существуютъ и еще идеи ознаменования юбилея Толстого конкретными актами. Одни думаютъ о созданіи въ возможно большемъ количествѣ школъ имени Толстого, другіе о дешевомъ изданіи его сочиненій, третьи—объ учрежденіи литературнаго дома—музея его имени.

Говорить о томъ, чѣмъ больше школъ въ странѣ, тѣмъ лучше для нея,—значитъ, разумѣется, говорить вещи, противъ которыхъ возраженій по существу нѣть и быть не можетъ. Говорить, что въ дѣлѣ народнаго образования наряду съ государственными, земскими и городскими учебными заведеніями должны существовать и просвѣтительныя учрежденія, организуемыя и содержимыя самимъ обществомъ,—значитъ опять таки высказывать мысли, противъ которыхъ возражать нельзя. Но и на этотъ вопросъ надо взглянуть съ его практической стороны,—а эта сторона такова: въ этомъ случаѣ каждый отдѣльный органъ печати занялся бы собираніемъ средствъ для устройства школы или другого имени Толстого просвѣтительного учрежденія *въ своей мѣстности*. Положимъ даже, что сборы пошли бы удачно и, слѣдовательно, были бы собраны необходимыя для *созданія* такихъ учрежденій денежныя средства. Но во 1) собрать средства для *созданія* просвѣтительного учрежденія, еще не значитъ имѣть ихъ для постояннаго *функционированія* такого учрежденія, 2) о какомъ сколько нибудь правильномъ функционированіи подобныхъ учрежденій можетъ быть даже и рѣчь во множествѣ мѣстностей нашей провинціи при безграничномъ тамъ самовластіи господъ Пѣшковыхъ, Толмачевыхъ, Думбадзе и другихъ нашихъ препрославленныхъ воеводъ? 3) при осуществленіи этой мысли въ Россіи не будетъ ничего единаго, ничего центральнаго, что было бы связано съ юбилеемъ Толстого. По всѣмъ этимъ причинамъ, мнѣ представляется гораздо болѣе продуктивнымъ централизовать имѣющія быть собранными суммы въ Петербургѣ для организаціи тамъ единаго для всей Россіи культурно-просвѣтительного учрежденія.

Дешевое изданіе „Войны и Мира“, „Анны Карениной“ и другихъ вышедшихъ изъ подъ геніального пера Толстого художественныхъ произведеній—дѣло также въ высшей степени необходимое, но осуществленіе его было бы цѣлесообразнѣе предоставить Обществу имени Л. Н. Толстого въ качествѣ одной изъ его

самыхъ прямыхъ задачь. Опираясь на такое культурно-просвѣти-тельное учрежденіе, какъ толстовскій литературный домъ-музей, центральный пунктъ, куда, при развитіи его, будуть обращены взоры всѣхъ интересующихся жизнью, дѣятельностью и идеями великаго писателя, Обществу имени Л. Н. Толстого будетъ гораздо легче изыскать возможности осуществленія и такого безъ сомнѣнія высокополезнаго дѣла, какъ разные способы популяризациіи произведеній Толстого въ народныхъ массахъ.

Остается, елѣдовательно, идея учрежденія въ Петербургѣ литературного дома-музея имени Л. Н. Толстого. Едва ли представляется необходимость защищать эту идею по самому ея существу. Въ Англіи есть свой Шекспиръ, въ Германіи—Гѣтѣ, у насъ—Левъ Толстой. Англія и Германія создаютъ во имя своихъ духовныхъ,—какъ когда то говорилось и въ нашей литературѣ,--- „славъ“ самыя разнообразныя учрежденія,—мы должны идти по этому же пути. Въ „увѣковѣченіи“ Левъ Толстой, конечно, не нуждается,—опь вѣковѣчень и безъ чьихъ бы то ни было усилий съ нашей стороны,—но изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобы на нашемъ обществѣ не лежало обязанности увѣковѣчить за поколѣніями настоящими и грядущими тѣ духовныя богатства, которыхъ далъ миру гений Толстого. Увѣковѣчить же ихъ—означаетъ прежде всего необходимость ихъ централизовать и систематизировать, создать учрежденіе, въ которомъ было бы собрано не только все написанное Толстымъ, но также и о немъ. А, вѣдь, это, господа, цѣлая библіотека! Само собою разумѣется, что въ этомъ домѣ-музѣѣ должны быть сосредоточены также портреты и бюсты Толстого, рукописи его произведеній, письма, словомъ, все служащее къ познанію жизни и дѣятельности великаго человѣка. Пройдутъ года и этотъ музей можетъ развиться въ „музей Толстого и его эпохи“ т. е. сдѣлаться однимъ изъ центральнѣйшихъ учрежденій для познанія идеиной исторіи Россіи за много десятковъ лѣтъ.

Со стороны материальной именно такой домѣ-музѣй имени Толстого мнѣ также представляется имѣющимъ наибольшіе шансы на успѣхъ. Собирать средства на него органы печати будутъ имѣть, конечно, несравненно большую возможность со стороны „независимыхъ обстоятельствъ“, чѣмъ на созданіе иныхъ, въ ознаменованіе юбилея Толстого, учрежденій. И изъ малыхъ лепть большаго количества жертвователей можетъ составиться крупная сумма. За материальной помощью для создания подобнаго необходимаго всей Россіи культурно-просвѣтильного центра во имя

Толстого, въ честь Толстого и во славу Толстого можно обратиться во вѣй земскія, городскія и иныя учрежденія съ увѣренностью въ сочувственномъ отклика на такое обращеніе со стороны многихъ изъ этихъ учрежденій. Петербургская городская дума, вѣроятно, отвела бы бесплатно подъ литературный домъ-музей мѣсто и быть можетъ приняла бы на себя расходы по содержанію этого учрежденія въ будущемъ. Но невозможно, что этому дѣлу пришла бы на помощь даже и Дума Государственная. Ничего нельзя имѣть и противъ участія въ этомъ дѣлѣ почитателей Толстого и среди славянъ, и среди другихъ народовъ. Во всякомъ случаѣ и съ этой стороны неодолимыя затрудненія такое дѣло едва ли бы встрѣтило. Недавно еще Петербургъ обогатился музеемъ Суворовскимъ. Но чѣмъ же фельдмаршалъ русской литературы ниже фельдмаршала поля ратнаго?

Существуетъ, наконецъ, и еще одно обстоятельство, громко говорящее о необходимости созданія такого учрежденія имени Толстого и созданія его именно въ Петербургѣ. При анализѣ этого обстоятельства станеть яснымъ и то, почему говорю я не просто о музѣ Толстого, а именно о литературномъ домѣ-музѣ имени Льва Толстого. Всѣмъ намъ, господа, приходится много слышать о необходимости объединенія дѣятелей литературы. И это безспорно одна изъ задачъ, настоятельно требующихъ своего разрешенія. Существуютъ у насъ, въ Петербургѣ, и несолько литературныхъ организацій—Литературный Фондъ, Касса взаимопомощи литераторамъ и ученымъ,—обѣ эти организаціи преслѣдуютъ специальная задачи—и Петербургское Литературное Общество, имѣющее задачи обще-литературного и обще-культурного характера. Но какъ эти организаціи, такъ и многія другія имѣ подобные (организаціи драматическихъ писателей, кружокъ имени Герцена, кружокъ имени Полонского и т. д.), весьма страдаютъ отъ неимѣнія ни у одной изъ нихъ собственнаго помѣщенія, этой необходимѣйшей базы для развитія и процвѣтанія всякой, преслѣдующей культурно-общественные цѣли, организаціи. И я спрашиваю васъ: можно ли придумать что-нибудь лучше для объединенія дѣятелей литературы, чѣмъ созданіе, такъ сказать, материальнаго центра для такого объединенія въ формѣ литературного дома-музея имени колосса-русской литературы, дома, въ которомъ были бы и специальная помѣщенія для собраній литераторовъ. Вѣдь, этотъ домъ находился бы въ непосредственномъ завѣдываніи Общества имени Л. Н. Толстого, организаціи, во-первыхъ также со-

стоящей по преимуществу изъ литераторовъ и ученыхъ, и во-вторыхъ, такой, вступленіе въ которую не будетъ представлять никакихъ затрудненій для всѣхъ желающихъ быть ея членами. Само собою разумѣется, что помѣщеніе музея сдѣлалось бы центромъ для собраній не только членовъ Общества имени Л. Н. Толстого, но и другихъ литературныхъ организаций. Получилась бы такимъ образомъ для объединенія дѣятелей литературы необходимая материальная основа. Это обстоятельство, имѣя само по себѣ огромное значеніе, увеличивается конечно во сто кратъ громадною моральною цѣнностью того факта, что процессъ объединенія писателей происходилъ бы вокругъ учрежденія, созданного во имя юбилея Льва Толстого и по инициативѣ съѣзда дѣятелей литературы. Среди русскихъ писателей находятся, разумѣется, люди самыхъ разнообразныхъ политическихъ, соціальныхъ, философскихъ и иныхъ воззрѣній, многіе изъ писателей принадлежать къ различнымъ политическимъ партіямъ, но все это нисколько не исключаетъ возможности и необходимости ихъ объединенія. И пусть же это объединеніе совершается вокругъ имени писателя не только вѣтвистаго, но и по всему складу своей личности, — да позволено мнѣ будеть такъ выразиться, — надѣ-партійного и сверхъ-партійного!

Господа! Принявши рѣшеніе печатать черезъ органы печати всесемѣстный сборъ на учрежденіе въ Петербургѣ литературного дома-музея имени Л. Н. Толстого, вы сдѣлаете огромное дѣло! Вы положите первый камень въ дѣлѣ сооруженія такого учрежденія, которое, являясь однимъ изъ лучшихъ живыхъ памятниковъ гениальному русскому писателю и удовлетворяя настоятельную потребность дѣятелей нашей литературы имѣть то, что англичане называютъ свой home т. е. свой уютъ, свой очагъ и безъ чего всѣ разговоры объ объединеніи писателей останутся въ значительной степени праздными, вы въ тоже время проявите свою заботу и о поколѣніяхъ грядущихъ, ибо Толстой принадлежитъ столько же настоящему, сколько и будущему!

Можно, конечно, мечтать объ ознаменованіи юбилея Толстого и дѣлами болѣе грандиозными, но зачѣмъ оставаться намъ въ области мечты и только мечты, когда мы можемъ положить фундаментъ дѣлу важности также огромной, но находящемуся въ тоже время въ области не мечты, а самой доподлинной реальности.

Можно находить также, что создать толстовский домъ-музей следовало бы не въ Петербургѣ, а въ Москвѣ, какъ городѣ, Толстому болѣе близокъ. Я буду возражать и противъ этого. Хо-

рошо это или худо, но наша история сдѣлала центромъ не только гоєударственной, но и духовной жизни Россіи не Москву, а Петербургъ. Здѣсь, а не въ Москвѣ, наибольшее количество высшихъ учебныхъ заведеній, органовъ печати, разнаго рода общественныхъ и литературныхъ организаций. Здѣсь, а не въ Москвѣ, должно находиться, поэтому, и учрежденіе, назначеніе котораго, сверхъ другихъ его огромныхъ задачъ, служить дѣлу объединенія дѣятелей нашей литературы. Самъ же по себѣ Толстой, если не стать еще теперь, то безъ сомнѣнія станетъ въ будущемъ *равно близкимъ* и Петербургу и самой глухой деревушкѣ въ Россіи.

Скажутъ можетъ быть, что начало толстовскому музею уже положено именно въ Москвѣ фактомъ передачи графиней С. А. Толстой Историческому Музею многихъ рукописей Льва Николаевича, и такимъ образомъ остается лишь развивать начатое уже дѣло. Съ этимъ согласиться также невозможно. Для реализаціи предполагаемой на ваше разсмотрѣніе идеи нужна не отдельная „комнатка“, въ томъ или иномъ, имѣющемъ другія задачи, помѣщеніи, а специально оборудованное и приспособленное для данной цѣли особое зданіе. Къ тому же мнѣ говорили свѣдущіе люди, что графиня Толстая передала Историческому Музею въ Москвѣ рукописи ея мужа не въ собственность, а лишь на храненіе, и онѣ безъ сомнѣнія могутъ быть, съ разрѣшеніемъ графини Толстой, взяты оттуда, если возникнетъ особое для помѣщенія такихъ вещей учрежденіе.

Я кончало, господа, свой докладъ повтореніемъ его центральной мысли: литературный домъ-музей имени Толстого въ Петербургѣ нуженъ и для цѣлей настоящаго, и въ интересахъ будущаго. Поспѣшимъ же прийти на помощь этому настоятельному дѣлу. Соединимъ наши усилия и направимъ ихъ къ одной цѣли. Пусть только органы печати, въ особенности газеты, начнутъ призывы къ пожертвованіямъ на учрежденіе литературного дома-музея имени Толстого и повторяютъ эти призывы изо дня въ день! Тогда домъ-музей, — можно вѣрить въ это, не увлекаясь, — выростетъ весьма быстро, и честь почина въ этомъ нужномъ и важномъ для всей Россіи дѣлѣ будетъ принадлежать вамъ, господа, членамъ первого всероссийского съезда печати!